

водит потрясающее впечатление. До самого конца, до последней вспышки сознания, он не изменяет себе ни единым словом, ни единым признаком малодушия. Он сломлен, но не побежден».³⁸

Исключительно тонко и остроумно сказано в статье Страхова о резком национальном своеобразии героя, который в широком смысле есть «живое воплощение одной из сторон русского духа. Мы вообще мало расположены к изящному; мы для этого слишком трезвы, слишком практичны (...) Восторженность и высокопарность нам не по нутру; мы больше любим простоту, едкий юмор, насмешку. А на этот счет, как видно из романа, Базаров сам великий художник»; «Все в нем необыкновенно идет к его сильной натуре. Весьма замечательно, что он, так сказать, *более русский*, чем все остальные лица романа».³⁹ Проницательно угадана Страховым и главная художественная мысль произведения, концепция поэтической и органической жизни, которая так неотразимо и многообразно присутствует в романе: «Обаяние природы, прелесть искусства, женская любовь, любовь семейная, любовь родительская, *даже* религия, все это — живое, полное, могущественное, — составляет фон, на котором рисуется Базаров. Этот фон так ярок, так сверкает, что огромная фигура Базарова вырезывается на нем отчетливо, но, вместе с тем, мрачно»; «Базаров — это титан, восставший против своей матери-земли; как ни велика его сила, она только свидетельствует о величии силы, его породившей и питающей, но не равняется с матернею силою».⁴⁰

Страхов создавал статью, находясь под сильным впечатлением от поэтической монографии Аполлона Григорьева о романе «Дворянское гнездо». Так о Тургеневе Страхов больше никогда не будет писать, особенно после возмутившего его, как почвенника, романа «Дым», о котором он высказался холодно и иронично, но все-таки не прибегая к фельетонным приемам критики, столь распространенным в то время (они не были чужды и Достоевскому, осуждавшему спокойный объективный стиль Страхова). Гнев Достоевского, вызванный монологами Потугина, был неудержим, но и объективный, сдержанный стиль Страхова безупречно оттенял враждебное неприятие критиком не только основных мотивов, но и поэтики романа Тургенева.

В романе Страхов увидел явный художественный регресс; он солидаризируется с замечанием «одного человека со вкусом», что «повесть... представляет большую картину, на которой не вполне дописано прелестное лицо Ирины, других же лиц совсем нет, и там, где им следует быть, поставлены мелом кружки вместо голов и линиями обозначено положение тела».⁴¹ Само собой разумеется, Страхов осудил тенденцию романа: «Ясно, как день, что в повести слышна раздражительность; ясно, как день, что эта раздражительность направлена против господствующего ветра. Этот ветер, вероятно, слышится г. Тургеневу, как и всякому, в каждой листке любой русской газеты. Это ветер противный обличительному и самооплевательному, веяние некоторой народной гордости, самоуверенности, большее уважение к нашей истории, большая вера в насущные силы России, большая надежда на ее будущность. Говоря литературными формулами, все мы до 1862 года были более или менее западниками, а после этого года все более или менее стали славянофилами. Вот та превратность земных вещей, которая не нашла себе сочувствия в душе нашего поэта».⁴² Потому-то, считает Страхов, мнения По-

³⁸ Там же. С. 189, 198, 201.

³⁹ Там же. С. 192, 193, 198.

⁴⁰ Там же. С. 206—207, 208.

⁴¹ Там же. С. 223.

⁴² Там же. С. 225.